

ЕЛЕНА ЯР

ТАМОЖНЯ
БАБЫ ЯГИ

Елена Яр
Таможня бабы Яги

«Автор»

2026

Яр Е.

Таможня бабы Яги / Е. Яр — «Автор», 2026

Проход в сказочную дверь стоит дорого. Для Чары, молодой бабы Яги, это работа: оценить визитера, назначить цену и пропустить в другой мир. Сегодня в её очередь встали хитрый гном, упрямый богатырь с мечом и мальчишка, готовый на всё ради спасения матери. Контрабанду она изымает мастерски. Но как изъять из собственного сердца чувство, которое проникло через все границы вопреки любым запретам?

Содержание

1	5
2	9
3	15
4	19
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Елена Яр

Таможня бабы Яги

1

Я всегда чуяла, если к избушке приближались *переходные*. Ульянку, что яйца носила, могла и не заметить — та старалась побыстрее из логова Бабы Яги улизнуть. Входящего через калитку Гришку, который муку доставлял, тоже иногда не слышала, хоть и ходил тот как медведь. А вот этих начинала ощущать задолго до стука в дверь.

И неважно, с какой стороны стучались — с мирской или другой, потусторонней.

Это ощущалось как перебои с сердцем, будто биться оно чаще начинало. И по спине мурашки неслись колкие, холодные. И всё моё существо начинало ждать и отсчитывать чужие шаги: три, два, один. Большинство из переходных к двери прикасались не сразу, медлили, робко переминались с ноги на ногу. Оно и понятно: страшно впервые в неизвестность ломиться.

Но были и те, кто стучал уверенно.

Вот как сейчас: костяшками сжатого кулака по деревяшке, споро, будто торопясь.

Я наморщила нос и вытерла руки о подол фартука — хорошо, что успела щи в печь задвинуть, теперь им там томиться ещё часа четыре, как раз все дела переделаю. Хотя, не факт, что быстро управлюсь. И принес же леший этого хитреца! По стуку узнала, кто на сей раз пришёл. Эх, не с того я день начать хотела.

Повернув ручку, я отворила заднюю дверь и с усмешкой уставилась на стоящего с той стороны низкорослого бородатого гмура. Тот, как обычно, был одет в яркий зелёный кафтан и коричневую шляпу, на которой грубыми стежками была присобачена жёлтая заплатка. За спиной визитёра виднелось скальное ущелье, ведущее куда-то вверх. Погода там была невнятная: холодно, но снег, видать, ветрами сдуло.

Все гмуры — или гномы по-книжному — были знатоками металлов и чаще всего занимались кузнечным делом. Но у некоторых, как вот у моего старого знакомого Смекайло, прямо сейчас скромно сложившего короткие ручки на пузе, среди первых талантов значилось умение обрабатывать драгоценные камни. К ней почти всегда прилагалась патологическая жадность, подозрительность и потребность притащить все возможные камни в свою сокровищницу. Ну не гном, а дракон какой-то, честное слово!

— Утро добренькое, Ягулечка! — тон гмура был такой сладкий, что того и гляди зубы начнут болеть.

— И тебе не хворать. — Я не торопилась его пускать, прищурилась, оглядывая внимательно с ног до головы. — С чем пожаловал?

— Да вот... — Он развел руки, словно демонстрируя свою честность и открытость. — Захотелось на людей посмотреть...

— ...себя показать, — со смехом дополнила я. Такой наивный ход меня не проймёт.

Смекайло вздохнул:

— Надобно мне мази для спины раздобыть. Сырость пещер стала на меня слишком пагубно влиять.

Такое могло быть правдой. Навь не всё могла волшебной порешать, иногда простые человеческие лекарства действовали намного лучше. Но верить сразу я не спешила. Этот хитрый жук постоянно норовил пронести что-нибудь запрещённое, поэтому я продолжила допрос:

— На что выменивать будешь?

— Так вот. — Он засунул руку в карман широких штанов и извлёк монетку. — Куплю по-честному.

Я фыркнула. Человечьи деньги по ту сторону перехода превращались во всякую невиданную ерунду, каждый раз разную и совершенно не прогнозируемую. Да и по возвращении в свой мир обычный чеканный вид всё равно не принимали. Так что это был самый глупый развод.

— За дуру-то меня не держи, я и обидеться могу, — сообщила я.

— Ну что, ты, роднулечка?! — Гмур заулыбался еще шире. — Не серчай. Это ж я так, для разгону... Не могу ж я сразу с козырей пойти.

Торговаться этот народец любил ничуть не меньше, чем обожал камни. Можно сказать, по шкале ценностей это был второй уровень. Третий занимала выпивка.

— Давай свои козыри, — велела я.

Он потёр монетку в пальцах, и та развалилась в пыль. А может, и прах — не досуг было выяснять. Затем Смекайло ещё пошарил в кармане и протянул мне на раскрытой ладони простенькую подвеску с тёмным камушком. Работа была не слишком искусной, так что я могла предположить: маленький народец с такой легко готов расстаться. В то же время эту поделку и правда можно было легко обменять на что-то нужное на ярмарке или в лавке. Будь на месте Смекайло другой гмур, я бы, может, и не стала упираться, но опыт не давал совершить ошибку.

— Выворачивай карманы, — распорядилась я.

Собеседник обиженно сморщился и с неохотой начал выполнять мою просьбу. На свет явилась горсть безделушек, которые вообще никакой ценности не имели. Я подозревала, что они были рассованы в штаны с одной лишь целью — отвлечь меня от главного.

— Отвороты отгибай! — Я указала на штанины.

Он засопел, но послушался.

— Ягулечка, — сладость в голосе немного снизилась, — я сегодня быстренько, по делу. Ну нет у меня времени всякой ерундой заниматься. Вот тебе моё слово, я ничего запрещённого не несу.

— На рубахе отвороты отгибай, — не поверила я.

— Яга, имей совесть! — уже возмутился он, и я поняла, что на правильном пути.

— Нет у меня совести, — отрезала я. — Нос крючком, зуб кривой и горб — есть, а вот совести — нет.

Смекайло поднял на меня глаза и хитро прищурился:

— Да словно я не знаю, что это твоя личина просто. А так ты девка молодая, неопытная совсем.

А вот это было откровенное хамство. Пусть в чём-то правдивое, но от этого не менее возмутительное. И хоть годков мне и правда было не слишком много, до третьего десятка ещё жить и жить, но самолюбия и вздорного характера было лет на полтора. Поэтому я шагнула вперёд и ловко сдёрнула с головы гмура шапку.

— Эй! — Он подскочил, но росту для отпора не хватило.

Я поднесла шапку к глазам и ногтем подцепила заплатку.

— Эй!!! — во всё горло завопил Смекайло. Славно, я опять угадала.

Как говорила моя учительница в школе волшебья: «Самое тайное прячь на виду. Тогда его никто не найдёт»

Но я нашла.

Под ярким лоскутом ткани обнаружился маленький металлический флакон самой искусной чеканки. Я ухмыльнулась и пальцами крутанула плотно пригнанную крышечку. Ещё до того как я почуяла запах, было понятно, что главной контрабандой сегодняшнего дня станет содержимое вот этого сосуда, вмещающего едва ли больше десятка капель. Но что это были за капли!

— Нечуй-ветер? — Я с изумлением покачала головой. — Ну ты и наглая рожа, Смекайло!

— А что сразу «рожа»? — расстроено запыхтел гмур, явно раздосадованный разоблачением. Он потупил взгляд, тщательно изучая носки собственных потасканных ботинок. — Я же не мёртвую воду несу, всего-то...

Я ещё раз покачала головой, дивясь его наглости. Нечуй-ветер был сушей находкой для любого моряка или рыбака. Можно рыбу ловить без сетей, вихрь-шторм на воде останавливать, от любого водного духа защититься. Цену такого флакончика было даже сложно себе вообразить.

Зажав сокровище в руке, я направилась к своему сундуку.

— Яга, душенька, — почти без надежды проговорил Смекайло, — верни мне мою вещицу, и я уйду.

Я остановилась и через плечо глянула на гмура. Горб мешал, поэтому пришлось сильнее повернуться всем телом.

— Верну, — коварно усмехнулась я. — Коли скажешь, зачем и кому нёс этот флакончик.

Глаза маленького человечка забегали, и я поняла, что он придумывает, что бы соврать. Поэтому я покрутила в воздухе рукой и добавила:

— Не думай свистеть. Ты же знаешь, что неправду я почую?

Он скривился:

— Забирай!

Любопытно, однако. Ему проще лишиться ценной вещи, чем сказать, что задумал. Тут я видела два варианта. Либо он знает, где достать ещё. Либо же планы по использованию нечуй-ветра у него настолько шокирующие, что он не хочет о них хоть кому-то говорить. Особенно мне.

Это было забавно: люди считали меня чужой — скорее навью, чем человеком. Мои умения, явно превышающие способности обычной женщины, и навыки по удержанию двери между мирами не давали им причислить меня к честному людскому роду-племени. Но смешное во всей этой ситуации было то, что и навь не считала меня своей. Для них я слишком пахла живой.

Не скажу, чтобы это заставляло меня сильно переживать или грустить. Если честно, ни на первое, ни на второе у меня времени не было.

— Ступай откуда пришёл, — сказала я, складывая флакон в свой заговорённый сундук, куда, кроме меня, никто не смог бы забраться. Большинство сокровищ, содержащихся в нём, были изъятой контрабандой. А среди них львиная доля — неудачные попытки пройти через мою избушку самого Смекайло. — И в следующий раз прячь лучше.

— Обязательно, — пообещал гмур и вышел в свой мир, тщательно прикрыв за собой дверь.

2

Бабой Ягой я была уже пять лет. Для обычной профессии это приличный срок, за который можно все премудрости изучить. Но для моей — вообще не показатель. Хоть я и двери открывала всегда без ошибок: туда, куда нужно. И личин накопила уже немало. И контрабанду вычисляла легче лёгкого. Но всё равно по нашим меркам Бабой Ягой была начинающей.

Моим настоящим именем было Чара. Но его, как и настоящий свой облик, я кому попало не показывала. Зачем случайным людям и нелюдям знать, что привратница между мирами — рыжая невысокая девчонка с веснушками на щеках? Первая личина — главная, которая передаётся от Яге к Яге — была самой востребованной. Седые космы, морщинистая кожа, мутный взгляд и сторбленная спина. Если надобность была поугатать кого побольше, то я улыбаться начинала, и тогда в щели между сухими губами мелькал один-единственный зуб снизу. Каркающий смех дался мне не сразу, но после тренировок у зеркала и его одолела.

Это уже потом я разжилась другими личинами, когда поняла, что на разных переходных разное действует. Был в моём арсенале старик на лешего похожий, да девица — кровь с молоком, пышная и красивая. Пока хватало, но в планах мечталось ещё разжиться видным добрым молодцем, чтоб плечистый и ясноглазый. Ух, тогда бы я зажила! Но пока работала с тем, что есть.

Я запечатала волшебной сундук с контрабандными сокровищами и заглянула в печь. Угли были жарковаты, и я побольше открыла заслонку, чтобы щи не слишком много влаги потеряли. Не люблю, чтоб ложка в супе стояла.

Тоненький стук раздался от двери.

Это Шнырь прилетел, мой воробей. У каждой бабы Яги должен быть питомец, тот, кто сам хорошо из мира в мир перемещаться может. Обычно это либо ворон, либо чёрный кот. А ко мне вот этот мелкокалиберный прибился.

Я приоткрыла дверь, и он тут же прошмыгнул внутрь. Пролетел через невеликую комнату и уселся прямо на стол.

— Потеплело, — сообщил он, отряхиваясь. — Вчера чуть хвост не отморозил, а сегодня ничего, сжалился батюшка Мороз.

Он нырнул головой под полотенце, накрывавшее тарелку с хлебом.

— Долго тебя не было, — ворчливо сказала я, присаживаясь на стул.

В парадной части дома особо не было мебели: лавка вдоль стены, стол, тяжёлый, дубовый, да пара стульев. Ну и сундук для всяких волшебных вещей. Гостей в моём доме не водилось, а для переходных и этого было достаточно. На окне, что прямо над столом было, висели шторы, светлые в цветочек — для Яги слишком легкомысленно, но мне захотелось, и я решила, что могу себе это позволить.

— Пришлось без тебя переходного принимать.

— Недомерок, что ли, был? — вынырнув из-под полотенца, Шнырь блеснул пронизательностью. — Всё равно ж не перешёл. Опять нелегалку пёр?

— Нечуй-ветер, прикинь! — поделилась я. — И не совестно наглой роже!

— Ого, — оценил воробей. — Покажешь?

— Заперла уже. — Я махнула рукой. — Потом, когда...

Я застыла на половине слова, почуяв приближение к дому. На этот раз с людской стороны. Шнырь вспорхнул со стола, стрельнул через проём в потолке, влетая на чердак. Я встала, ожидая вестей.

Переходный почти не мялся, что было необычно. Редко кто настолько решался к бабе Яге в дом шагать, чтобы сомнений вообще не испытывать. Стук был громким, почти требовательным.

Шнырь вернулся и снова прыгнул на стол.

— Ой, Чара, что за гость у тебя! — важно сообщил воробей, но волнение не позволило ему устоять на месте. Он прискакивал, двигаясь ближе ко мне. — То ли богатырь, то ли какой королевич даже! На вид прям сказочный — хоть сейчас картину пиши с него!

— С бородой? — уточнила я.

— Не, всё, как ты любишь. Тулуп нараспашку, челюсть чёткая, выправка хорошая. Надо брать!

Я покачала головой, пряча улыбку — всё равно на старушечьем лице она вряд ли смотрится как надо. Немного поколебавшись, я всё же решила личину не менять. Для мужчины молодая пышнотелая баба Яга была бы большой неожиданностью — скорее всего, довольно приятной, — но пускание слюны может сильно отвлечь его от самого главного. А мне всегда хотелось знать истинные причины визита в мою избу.

Поэтому дверь страннику открыла та же дряхлая неприятная бабка.

Отражённый снегом свет полоснул по глазам, и я сощурилась. Окна в доме были маленькие и света пропускали не слишком много. Там, на стороне гмура, было пасмурно, но здесь солнце хозяйничало всюю. Оно отскакивало от сугробов, скользило по заснеженным еловым лапам, пронзало насквозь чистый прозрачный воздух. И ярким слепящим ореолом окутало фигуру переходного, мешая мне разглядеть его как следует.

— Кого нелёгкая принесла? — ворчливо выдала я, шурясь и легко входя в образ карги.

— Елисей, — голос был не слишком басовитым, но и не писклявым, в меру раскатистым, с интригующими хриплыми нотками.

Я была заинтригована, поэтому распахнула дверь пошире:

— Заходи, раз пришёл.

Теперь я могла его рассмотреть, как следует. А следовало не слишком торопиться: было на что любоваться. Парень был хорош. Не щенок, но и не матёрый. Высокий, ладный, подвижный. Не в пример некоторым богатырям, походящими на комод с ножками и в бою могущими лишь рубануть один раз, вогнав врага по колено в землю, — этот наверняка мог держать битву и со множеством противников, атакующих отовсюду. Волосы тёмно-русые, а вот глаза светлые, серые, как сталь клинка. Пригож собой залётный соколог, ничего не скажешь.

— Чего надобно тебе, Елисей? Поди не чайку пошвыркать с бабулечкой пришёл?

Оставалась ещё надежда, что мужчина окажется тупым, как пробка, тогда и расслабиться можно будет. А то уж больно интересен он моему сердцу оказался, ни к чему это совершенно.

— Можно и чайку, — сощурился гость. — Коли ты мне бабулечку покажешь.

А вот и славненько: недостаток выискался у молодца. Хам он первостатейный. Мне в обличье карги часто дерзили поначалу, удаль свою пытались продемонстрировать. И особенное, глубинное удовольствие мне доставляло обламывать с них это напускное нахальство.

Я цокнула языком:

— Ай, как дурно начал! Когда помощи просить идёшь, гоноу свой дома оставлять надо. А не то вместе с ним обломают тебе и ручки, и ножки.

Он скрипнул зубами, и я уже надеялась, что обнаруженный дефект перекроет внешнюю привлекательность мужского образца, сорвёт его в ругань, но нет, сдержался. Голову слегка склонил, глаза вниз опустил и поубавил нахальство.

— Правда твоя, баба Яга. Не с того я начал. Но и ты пойми. Я таких, как ты, изводил последние десять лет, а теперь на поклон идти пришлось.

На извинение было не очень похоже, но я решила выведать побольше.

— И что же тебе от меня надо?

— Проход на ту сторону мне очень нужен. — Он глянул на меня исподлобья, мрачно, сурово. — Должен спасти я Красаву, дочь царя Дивноградского. Невесту мою... — Тут он замялся и добавил: — Будушую.

Я всплеснула руками, едва сдерживая издевательский смех.

— Узнаю богатыря! — сарказм утаить не вышло. — Девке горе, её нечисть поворовала, бесчинства всякие с ней творит, а ему знай одно надо: полцарства да коня подавай. Ну и царевну в жёны, чего уж.

— Не трепли, о чём не знаешь! — рыкнул Елисей, но с места не двинулся, расправой не грозил. Только кулаки сжал. — Я люблю её. Давно полюбил, едва первый раз в окошко терема увидел. И спасу её, даже если она не захочет за меня выйти. Не корысть и скверна меня ведёт. А светлый лик Лады.

Ой, дурак! Я аж глаза закатила. Что любит — верила, но как Ладу помянул, так расхотаться захотелось. Знал бы ты, молодец, что эта сила с тебя потребует, коли за ней пойдёшь! Ладане только нежная и ласковая к влюблённым. Правда, заботой окружит, дарами осыплет. Но если ты хоть на шерстиночку любовь предашь, небо с овчинку тебе покажется — так Лада в оборот возьмёт. Изменников в деревья оборотит, предавших безумием накажет. Видела я, как эта ласковая дева серчает — одного раза мне вполне хватило.

— Значит, любишь, — резюмировала я, присаживаясь на лавку и подпирая челюсть ладо- нью. — И готов на всё что угодно для спасения Красавы. Так?

Челюсть Елисея закаменела, плечи расправились ещё больше.

— Какие условия, баба Яга? Что ты хочешь за то, чтобы провести меня в иной мир?

Смотреть на него было интересно. Хотелось знать, до какого порога его идеализм дохо- дит, насколько крепко он верит в то, что там, у людей, лишь хорошее, а за дверью моей избушки — лишь плохое. Есть ли шанс, что его ум гибок, а не только мускул силён? Да и есть ли он — ум тот, или только лозунги да общепринятые истины.

— Условия простые, — сообщила я. — Как только мы определим, куда конкретно в Навьем царстве тебе нужно попасть, я назначаю цену. Ты отдаёшь мне навечно что-то, что тебе самому нужно. Что это будет — я говорю. Ты или соглашаешься, или нет. Если бьём по рукам, то я тебе подарочек с собой дам. Он тебе непременно понадобится, но вот сумеешь ты им воспользоваться или нет — то мне неизвестно.

— Звучит как невыгодная сделка, — негромко сказал Елисей.

— Отчего невыгодная? — удивилась я. — Очень даже. Мне так точно выгодно будет.

Усмехнувшись как можно более мерзко, я потёрла ладони друг о друга. Понимала, что специально провоцирую, но уж очень было интересно узнать, что за птица тут ко мне залетела.

Кстати о птицах. Воробей словно вспомнил, что он тут не просто приживалка, а рабочая сила на довольствии, демонстративно сделал круг почёта по комнате и присел мне на плечо.

— Это питомец твой, что ли? — Елисей кивнул на Шныря.

— Угу, — равнодушно ответила я: понимала, что он время тянет, прежде чем дальше важные вопросы задавать.

— А разве у Бабы Яги не кошка чёрная должна быть? — поддел он с ленцой. — Или хотя б ворон?

— А разве добры молодцы не сами девиц спасать должны? — фыркнула я. — Или хотя б без помощи нечистой силы?

— Справедливо, — согласился он. И не стал больше медлить. — Хорошо, условия твои мне хоть и не очень понятны, но в процессе разберёмся. Красаву похитил Змей Горыныч, а значит, к нему мне надо идти.

Я снова фыркнула, на этот раз весело:

— Враньё, Елисеюшка! Поверь, не он это...

Мужчина нахмурился и очень внимательно на меня глянул. Очевидно, тут же вспыхнуло недоверие к нечисти, и он начал меня тоже подозревать в краже девицы.

— А ты почём знаешь?

Ох, сказала бы я, почём знаю... Потому что тот самый Горыныч за этим вот столом сидел да на девиц жаловался. Мол, одолели эти красавицы народные, совсем замучали бедного Змея. Письма ему пишут, похитить просят. С тех пор как пошёл слушок, что наш Горыныч дальний родственник дракона заморского, а те, как известно, все до единого неприлично богаты. Вот и провели аналогию ушлые да незамужние, решили, что и у нашего Змея сокровищница иметься должна, а значит, жизнь с ним грозит самая безбедная. А уж когда кто-то проболтался, что в парня молодого Змей перекидываться умеет, так и вовсе все как с цепи сорвались. Богатый и человекообразный — чем не партия?

«Чара, ну что мне делать? — прихлёбывая травяной чай, жаловался бедняга. — Мне ж их столько не нужно. А они лезут прямо пачками. Я вообще хотел немного передышку взять, от любовей этих отдохнуть».

Ну я и посоветовала ему в странствия отправиться. Мир поглядеть, родственников заморских навестить, опять же. Может, уму-разуму у них поучиться. А то не Змей, а позорище. Девицы его, видите ли, одолели.

Так что очень сомневаюсь, что с собой в дорогу он решил взять не запас угля от урчания в животе, а Красаву эту, дочку Дивногородскую.

— Знаю — и всё, — отрезала я, поднимая глаза на Елисея. — Но ты мне вправе не верить. Так решай сам. Надо — к Горынычу отправлю, но пеняй на себя, я предупреждала, что не он это.

Он буравил моё лицо взглядом, словно в душу хотел заглянуть, но ему до моей души не добраться. Было любопытно: на своём стоять будет, или мне рискнёт довериться? Я себе тоже позволила его поразглядывать. И брови, собравшие меж собой складку, и кожу чистую, и губы решительные. И даже уже придумала, что за плату с него взять.

— Хорошо, — сказал вдруг Елисей. — Если не Горыныч, то кто?

Я пожала плечами:

— Это я не ведаю. Не слышала ничего давненько. Девица твоя красивая, или душой богата?

На щеках Елисея на мгновение вспыхнул румянец.

— Красивая. Все, кто видел её, — так и скажут.

— Хорошо. — Я ненадолго задумалась. — Красавицами промышляет Кощей обычно. Чудо-юдо может уволочь. Водяник или болотник — вряд ли, но чем чёрт не шутит. О! Вот ещё чёрт может.

Я уставилась на мужчину, понимая, что задача перед ним стоит непростая. По сути, я раскинула перед ним сто дорожек, и ему надо выбрать, куда идти. Он мрачнел с каждой минутой всё больше. Но не сдавался, что внушало уважение. И я решила сжалиться над ним. Вдохнула и сказала:

— Ладно, так и быть. В виде исключения, могу дать тебе свой подарочек до перехода, а не после. Дам тебе волшебную чашу. Ты её водой свежей наполнишь и в светлицу своей Красавы занесёшь. И от того, какого цвета вода станет, будет ясно, кто в той комнате из нечисти бывал.

Я ждала, что он обрадуется, но взгляд Елисея стал ещё внимательней.

— И что ты за это хочешь?

Умненький оказался молодец. Даже удивительно.

— А за это ты обещаешь мне плату свою внести без торга и сразу, как только выяснишь, кто похититель.

Он выпрямил спину почти до хруста, решительно вздёрнув подбородок:

— Что за плату ты назначишь?

Я откинулась на спинку стула, хоть горб и мешал, специально пожамкала губами и сказала, медленно, растягивая слова:

— Хочу, чтобы ты поцеловал меня, добрый молодец. В губы, по-настоящему. Как муж жену в спальне целует.

Порыв отшатнуться у него был. Мышцы напряглись, руки сжались, на лице омерзение проскочило. Побледнел даже как будто. Но он справился с собой, глубоко вздохнул и сказал то, что я не ожидала услышать:

— И что ты через это получишь?

Голос был тихий, без надлома и нервов. Но я была поражена, словно он заорал. Как догадался? Как понял, что поцелуй — лишь средство для достижения моей цели?

Мне вовсе не нужна была мужская ласка. Не буду лукавить, целовать такого красавчика будет приятно, но цель совсем в другом. Сразу, как увидела его, поняла: мне нужна такая личина. В моём арсенале нет молодого сильного мужчины, а это и в быту было бы совсем не лишним, а уж в самой работе и вовсе почти необходимость. Я уже представляла, как перекидываюсь в богатыря — и все девицы, что захотят через мою дверь идти, отдадут мне не только что я прошу, но и сверху ещё предложат.

А личину я могу взять лишь по полному согласию человека и через глубокий поцелуй.

Выходит, я немного недооценила ум Елисея. Это было неприятно, но безусловно интриговало.

— Облик твой получу, — не стала кривить душой я. — Смогу прятаться за ним, если нужда будет.

— Что я при этом потеряю?

— Ничего. Ну, только если желание целовать ещё кого-то кроме меня.

Вот тут он вздрогнул и побледнел. А я испытала мстительное мелкое удовольствие. Навыки бабы Яги терять нельзя. Иначе люди вообще перестанут бояться.

Елисей смотрел на меня во все глаза, силясь понять, правду я говорю или вру. Его можно было понять: спасти свою красавицу-девицу, потеряв способность получать удовольствие от ласк — это такое себе приключение. Я позволила ему немного повариться в котле сомнений, но потом благородно спасла:

— Да шучу я! Ничего не потеряешь. Ну разве что знать будешь, что где-то может твой двойник с людьми разговаривать да дела всякие совершать. Но я отсюда никуда не пропаду, так что можешь быть уверен, что лишь на межмирные дела твой лик пушу. Душегубства совершать не стану.

Он ещё немного посмотрел на меня, потом перевёл взгляд в окно и сказал:

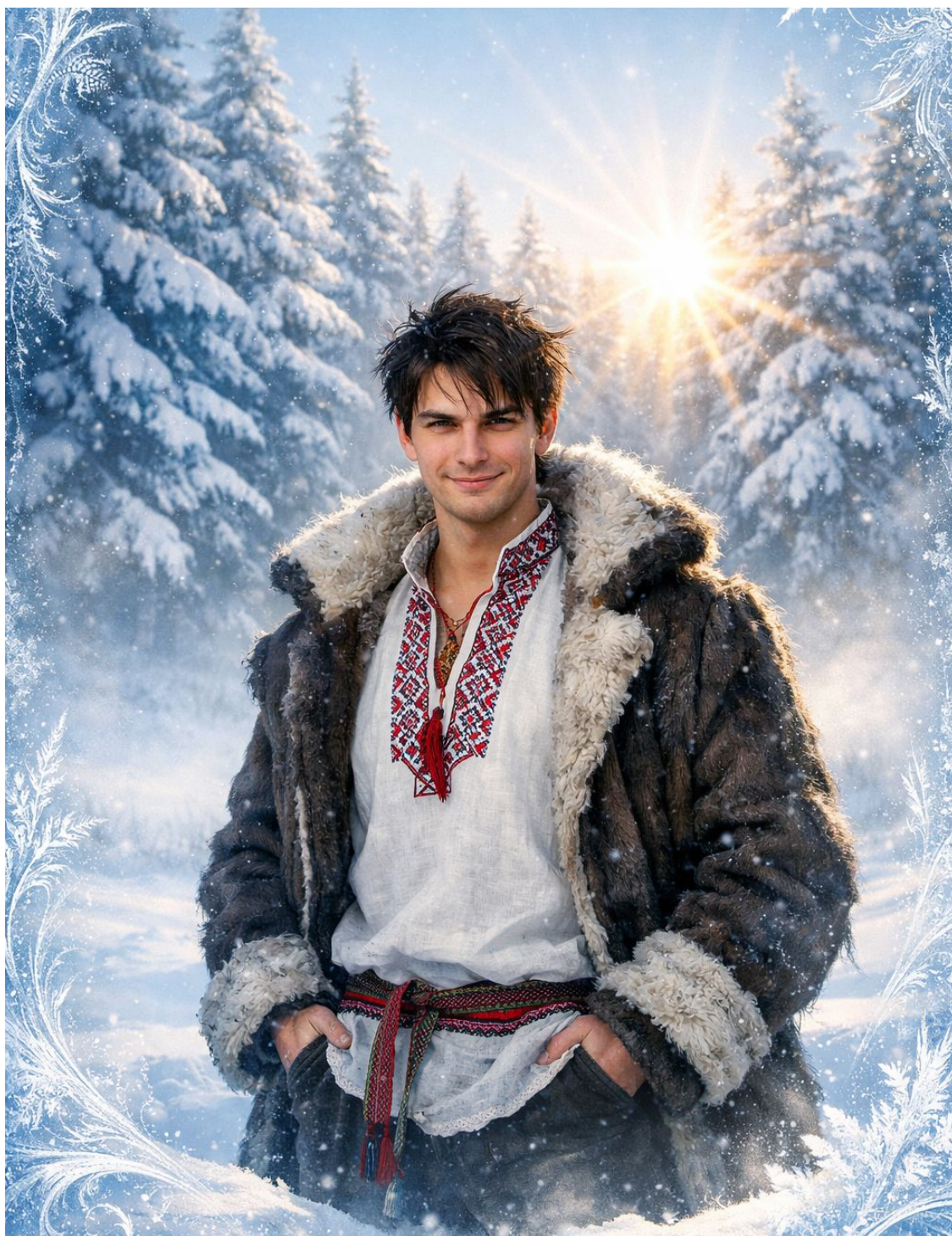
— Договорились.

Стоя на крыльце избы, мы со Шнырём провожали Елисея глазами. Он шёл, приминая снег, по своим же следам, унося под мышкой волшебную чашу. Не оборачивался — знал, что слежу. И не хотел показывать своих сомнений. Хотя, кто знает, может, и нет у него никаких сомнений.

— Думаешь, вернётся? — спросил Шнырь.

Я пожала плечами.

— Может, и нет. Если сильно ушлый, то попробует через другую Бабу Ягу в тот мир пойти и с ней сторговаться получше. Но дотуда пять дней пехом. За это время его Красава может уже и не его стать...

3

Щи удались на славу — наваристые, ароматные, мясо аж на волокна расплзлось. Я наелась так, что глаза соловей начали. Дёрнув цветастую шторку, я выглянула наружу: сумрак уже затягивал лес.

— Никто не придёт уже, думаю, — медленно сказала я, потягиваясь. Мысль завалиться пораньше спать казалась ну очень привлекательной.

И, как назло, знакомый холодок пробежал вдоль по позвоночнику.

Шнырь, раскачивающийся на одной из вязанок трав, встрепенулся, повертел головой и выдал:

— С людской стороны кто-то идёт.

Я взглядом приказала ему лететь наверх и доложить о визитёре. А сама принялась стуча в дверь ждать — и всё гадала, не вернулся ли это Елисей спасать Красаву свою. Пыталась предсказать, решительным стук будет или робким. Но не дождалась никакого.

Вернулся Шнырь и шёпотом рассказал:

— Мальчишка там на дворе твоём стоит, мнётся. Видать, не решил ещё, надо ли ему к Яге в логово стремиться.

— Малой? — уточнила я.

— Да годков десять. — Шнырь имел явный талант определять возраст переходцев, почти никогда не ошибался.

Дети редко приходили к моей избе, боялись. А в такое время и вовсе лишь из-за спора какого-нибудь. «А слабо к Бабе Яге на ночь глядя постучаться?». Кому не слабо было, тех всегда встречала старушечьей личиной, чтоб ничьих заблуждений не развеивать. Ну и чтоб припугнуть получше, дабы повторно этот хамский визит наносить не вздумали. Никогда не открывала с первого раза, ждала, чтобы храбрецы поверили: нет Яги дома, и когда смелее стучались повторно, распахивала дверь и рычала грозно: «Кто посмел меня будить?!»

Сносило с моего двора пострелят быстрее, чем лягушка муху ловит.

Тихий стук был едва слышен.

Я замерла, ожидая второго, более резвого. Обычно он раздавался чуть позже, когда у нахалёнка сердце перестанет из груди выскакивать. Но этот, очевидно, было не самого робкого десятка. Повторил довольно скоро.

Толкнув дверь, я крикнула:

— Кого принесло?!

Но стрекача мальчишка не дал, замер, словно в камень обратился, глаза от страха зажмурил и дрожал мелко всем телом. Он был худеньким, лохматым — без шапки, в поношенном, но целом тулупе и хорошо подшитых валенках. И не оборванец, и не из слишком богатой семьи малец был.

— Надо что? — опять рявкнула я, справедливо полагая, что вот уж сейчас он рванёт прочь. Но снова не угадала.

— Помощи... — пролепетал он едва слышно, так и не открывая глаз.

Шнырь, сидевший на моём плече, выразительно повернул голову, всем своим видом показывая, что на сей раз мы ошиблись. Я даже боковым зрением видела его возмущённое удивление.

— Ну, заходи, раз пришёл, — уже спокойно и не так громко сказала я.

Мальчишка открыл глаза, оказавшиеся светлыми, словно ледяное озеро — в них застыл ужас. Но пшеничные брови сдвинулись в мрачной решимости, и челюсть сжалась. Он качнулся, словно переминаясь с ноги на ногу, и лишь затем шагнул ко мне ближе.

— Не бойся, — заметила я миролюбиво. — Я тебя не съем.

Судя по мелькнувшему по лицу выражению, такой ход развития событий он считал вполне возможным, но всё равно сделал ещё два шага.

Я развернулась и пошла внутрь — и так тёплого воздуха навывускала, словно лес греть собралась. Судя по скрипу снега, гость двинулся следом.

Он вошёл, тщательно прикрыв за собой дверь и встал у порога.

Я вздохнула — мда, здорово я его своим ором напугала, теперь добиться от него дела будет непросто. Поэтому я встряхнулась, сбрасывая личину старухи с крючковатым носом и возвращая себе свои родной облик. Заранее почуяв, чем дело пахнет, Шнырь спрыгнул с плеча. Он переместился на стол, сел на край миски, предвкушая любопытное зрелище.

Мальчишка разинул рот от удивления. Ну ещё бы: на месте страшилища была молодая девушка, каких по деревням сотни живут. Не самая красивая, не самая статная, в обычной одежде, хоть без платка и косы — мои рыжие непослушные волосы никак не удавалось призвать к порядку и заставить лежать ровно.

— Такая Яга настоящая? — прошептал гость.

— Этого ты не узнаешь, — с усмешкой сказала я, присаживаясь к столу. — Но я не запрещаю тебе думать, как ты хочешь.

По сути, я откровенно разрешила ему заниматься самообманом, но мой опыт говорил, что это людям никогда не мешало. Они охотно верили своим глазам, отключая мозг. Но парнишке и впрямь стало легче. Он разжал кулаки и выдохнул, хотя плечи всё ещё оставались напряжёнными.

— Ну. — Я дернула бровями. — И как тебя зовут?

— Ивашка, — сказал он, но поправился: — Иван.

— Что за дело у тебя к бабе Яге, Иван?

Он снова свёл вместе брови и сказал решительно:

— Мне в тот мир перейти надо. Дело у меня к водяному.

Я присвистнула:

— К водяно-о-ому... Ишь ты! Посредине зимы, когда он злее чёрта?

— Да, — упрямо подтвердил мальчишка.

— И что ж за дело?

Было видно, что он не хотел рассказывать: то ли боялся, то ли не доверял. Да и по сути, я не должна была допытываться, для перехода мне эта информация была не нужна. Но уж коль скоро я давала каждому от себя подарочек полезный, хотелось бы, чтоб польза была максимально конкретной. Мальчишки бывают упёртыми, но я чувствовала, что он ещё и растерян, дезориентирован и не слишком понимал, что надо делать и как. Если я его просто так пушу в царство водяного, то назад он точно не вернётся. Богатыри-то гибли, не то что недомерки. А я хоть и баба Яга, совесть ещё не вся у меня выветрилась.

— Послушай, Иван. Тайну свою можешь хранить, если так надо. Я дам тебе клубочек волшебный, чтоб он тебя к водяному привёл, а там как знаешь. Но если я буду знать, в чём дело, то подарочек могу более полезный подобрать. Но это тебе решать.

Манипуляция было не слишком тонкой, но все мальчишки — хоть большие, хоть маленькие — страсть как любили быть главными. И всегда на этом попадались.

— Хорошо, расскажу, — сказал Ивашка, и я удовлетворённо кивнула.

— Скидывай свой тулуп да садись, — велела я. — В ногах правды нет.

Он разделся и начал рассказывать. Сперва запинаясь, а потом всё быстрее и быстрее слова из него выскакивали, словно он опасался их в себе держать.

— Мне, Бабушка Яга, мамку спасти надо. Её Водяной уволок, она у проруби бельё стирала. Я в соседней деревне у своей бабки был — она захворала, и я помогал. А с мамой... одна она была. Соседи говорили, к ней Водяной явился и спросил, не хочет ли она к нему в услужение идти, она отказалась. А тот все равно... Но я слышал, что пока время не вышло,

можно её забрать, права заявить. Она ж не одна в мире, я, почитай, старший мужчина в доме... Пойду к водяному, велю мамку вернуть, — тут голос его сорвался, и он всхлипнул.

— Кто идти надоумил? — прищурилась я, начиная уже догадываться.

— Так соседи и надоумили. Кручинились, говорили, вину свою видят, не доглядели за вдовой.

— А соседи поди рядом с вами которые?

— Ну да, — бесхитростно кивнул мальчишка.

Возможно, я слишком невысокого мнения о большинстве людей, но почему-то мне виделось, что соседи не просто так в истории мальчишки мелькают. Может, дом хотели отжать, а может, участок расширить. И как удачно Водяной забрал соседку, а паренек спасти ее отправлен. Каковы шансы, что он назад вернется? Что у парня хватит смекалки самого водяного вокруг пальца обвести? Тот сам кому хочешь голову задурит.

— Я вот что в доме нашёл. — Мальчишка шмыгнул носом и извлёк из кармана штанов что-то завернутое в средней чистоты тряпицу. Я подалась вперед, чувствуя, что любопытство загорается с новой силой.

В тряпице оказалась довольно крупная жемчужина.

— У нас такого отродясь не было, — сказал Ивашка. — Это ж водяного, да?

История становилась всё дурнее. Похоже, не просто так Водяной женщину уволок — сделку её соседи заключили. Продали её самым банальным образом. Иначе откуда в доме могла такая редкость оказаться? С другой стороны, это несколько облегчало дело с её возвращением: не мог Водяной ссылаться на то, что женщина сама ему улыбалась и завлекала. Любовь — вещь нематериальная, недоказуемая, а, возможно, и вообще не существующая. Сделка — совсем иное. Её можно отменить или перезаключить.

Но много ль шансов, что это мальчишка сможет сделать? Даже если я его научу...

Надо бы признать, что если я хочу доброе дело сделать, то пускать его не следует. Сгинет вслед за матерью. Не думаю, что она мне спасибо скажет, если я её сына погублю. Откажу в переходе...

Вряд ли на моём лице отразились мои размышления, уж чем-чем, а эмоциями я неплохо владела, но Ивашка словно почувал что-то. Мрачно глянув на меня, он сказал:

— Я всё равно пойду. Слышал, что баба Яга ты не единственная...

Захотелось отвесить пацанёнку затрещину, но вместо этого я фыркнула:

— Не единственная, говоришь...

Упрямство — вещь полезная. Сама так всё время и выезжаю. Но на нём одном далеко не уедешь и мужиком не станешь. Хотя, как Ивашке мужчиной стать и в силы свои поверить, коли мамку спасти не сможет? И даже не попытается?

— Ладно, Иван, — сказала я. — Помогу. Проход открою. Подарок нужный в дорогу соберу. И совет дам. Бесплатный.

Он подскочил, сияя глазами, одёрнул рубаху и за тулупом потянулся.

— А ну, угомонись! — велела я. — Это совет бесплатный. Остальное — за плату.

Он сел, снова напрягшись.

— Служить мне будешь год, — сообщила я, и видя, как испуганно округлились глаза мальчишки, добавила: — Как вернёшься от Водяного. Согласен на такую плату?

Ивашка поспешно кивнул — видимо, он ждал чего-то худшего — и снова подскочил одеваться.

— Куда? — опять осадил я.

Он моргнул:

— Так... туда.

— Ой, дурень! — Я закатила глаза. — На улицу выгляни, обмылок! Темень непроглядная. Ты как ночью на той стороне выжить-то планируешь? И пары шагов не сделаешь, как тебя

кто-нибудь либо съест, либо голову задурит, либо в полон возьмёт. Утра ждать надо. Вот тут на лавке ляжешь, а перед самым рассветом я тебя подниму и всё расскажу, как и что делать надо будет.

Глаза парнишки зажглись пониманием, облегчением и даже восторгом.

— Спасибо тебе, Ягушечка, век помнить буду!

— Век не надо, — ворчливо сказала я, не желая признаваться, что искренняя, хоть и преждевременная радость, меня растрогали. — На обратном пути спасибо скажешь, да поклон земной отобьёшь...

4

Небо едва светлеть начало, а Ивашка уже сидел за столом и с аппетитом прихлёбывал щи. Надеюсь, это не мешало ему воспринимать информацию, которую я втолковывала. Как, что и кому следует говорить, где идти, от чего прятаться. Радовало, что в нужных местах мальчишка кивал. Расстраивало, что жмурящиеся от удовольствия глаза были слишком благодетельные. Как бы моя доброта не вышла ему боком: решит, что вся нечисть, как и баба Яга, такая же нестрашная.

— А теперь заключаем договор, — сказала я, присаживаясь напротив и протягивая ему руку ладонью вверх. — За проход через мою избу ты обещаешь мне плату: год службы при моём хозяйстве. Уходишь лишь по моему разрешению, делаешь всё, что скажу.

Ивашка с подозрением на меня поглядел.

— Детей на лопату сажать и в печь отправлять я не стану, — сообщил он, перестав жевать.

— С этим я сама справлюсь, спасибо, — хмыкнула я.

Гляди, какой — о суевериях вспомнил! Сам-то много у меня в доме на лопате наездился, можно подумать. Или он себя уже взрослым считает?

— Дальше: совет. Никому не верь на слово, проси клясться. Но выбирай такое, что конкретному существу важно. Например, водяным важна непересыхающая влага. Лесным, по большей части, плодородная земля. Упырям — живая кровь...

— Упырям? — тут же переспросил заволновавшийся мальчик.

— Ну, откуда я знаю, кого ты в пути встретишь? — я говорила с напускной бодростью, давая ему шанс испугаться и передумать. Но этого не произошло.

— А есть смысл с упырем переговоры вести? — уточнил он. — Может, сразу бежать?

Я покивала, признавая его правоту.

— Бежать — вообще отличный выход. На той стороне лучше прослыть трусом, чем завтраком. Ну так что, подходит тебе, Иван, договор? Скрепляем рукопожатием?

Он отложил ложку — тем более, что тарелка была уже пуста — отёр рукавом рот и протянул мне ладонь.

— Скрепляем!

Надо же, какая кисть у мальчишки — крупная, почти размером с мою. Видимо, высоким будет. Если переживёт ближайшие дни.

— А теперь мой подарок. — Я встала, прошла в свою комнату, порылась в шкафу и достала, что давно уже придумала ему дать.

Я сама не знаю, как точно это работает. Нет никакого просчёта, инструкции или алгоритма. Я даю переходному то, что мне кажется важным. Это чутьё. Особый нюх бабы Яги. Я просто знаю, что нужно дать.

Вернулась, положила перед ним на край стола ворох светлой ткани.

— Это что? — Ивашка разложил подарок и глаза его полезли на лоб: — Это что, женская рубашка?! Зачем мне женская сорочка?

— А ты как, дурень, меж русалок пройдёшь, а? — Я опять с трудом поборола желание дать ему образовательную затрещину.

Он моргнул:

— Ну, быстро пойду. И зажмурюсь, чтоб их не увидеть. И чтоб они меня не уволокли...

— Ой, неуч!!! — Я вздохнула. — Слово им твои закрытые глаза шептать помешают...

Заговорят — задурят башку твою бестолковую. Но от них откупиться можно.

— Так дай мне тогда монетку лучше, чем же я откуплюсь?

— Откупаются тем, что нужнее всего. — Я откинулась и скрестила руки на груди, ощущая себя не Бабой Ягой, а мамкой. — Русалки — они же голые. А что голому больше всего надобно?

— Аааа, — начал понимать парнишка. — Одежда им нужна? Ну спасибо тогда, Бабушка? — Он вопросительно поглядел на меня.

— Угу, она самая. Вернёшься — скажу имя своё настоящее. А пока рано.

Воробей ждал нас у выхода в другой мир, сидя на притолоке, вцепившись лапами в прибитую доску с подковой на ней. Без Шныря я тоже могла открыть дверь в нужное место, но с ним выходило и легче, и точнее. Он чирикнул, поторапливая — видимо, устал уже притворяться, что не умеет разговаривать.

Дверь скрипнула, раскрываясь.

В царстве Водяного зимы не было — не мог он допустить в своих владениях подобного бесчинства. Лес был в листве, пронизанной солнечными лучами, тропка вилась от моего порога куда-то вдаль, плутая между стволами и кустами. Не жаркий полдень, конечно, но довольно сносный и тёплый день. Признаюсь, иногда, устав от затяжной зимы, я ходила сюда погреться да по траве босиком походить. Но никогда не наглена, чтобы случайно в долгу у местных не оказаться.

Ивашка поблагодарил меня напряжённым голосом, но твёрдым шагом вышел и направился вглубь леса.

— Удачи! — крикнула я вслед и затворила дверь.

— Три к одному, что не вернётся, — выпалил Шнырь, едва дождавшись возможности снова начать разговаривать.

Я поджала губы.

— Что? — не понял он.

— Вот, вроде не ворона ты, — в сердцах сказала я, — а накаркать беду для тебя — раз плюнуть!

Я оделась и вышла во двор. Солнце ещё только красило золотом верхушки елок, но я всегда вставала рано, и дела уже ждали. Надо было подоить козу и задать ей сена, отколоть льда и нагреть его, чтобы напоить эту неблагодарную скотину, которая всегда исподтишка норовила наподдать мне своими рогами. И не боялась же ничего, бесово отродье. Самой Бабе Яге синяки ставила — и жива осталась.

Хозяйство было небольшим, но помогало сильно. Можно было ещё кур завести, да слишком глухо в этой части леса, всех растаскивали либо звери, либо нечисть, что тоже до яичек и мяса были большие охотники.

Дровник за ночь засыпало снегом, и чтобы добыть еду для моей печи пришлось изрядно постараться. Насобирав целую корзину поленьев, я отёрла прилипшие ко лбу волосы рукавицей и аж подскочила от внезапно раздавшегося за спиной голоса:

— Доброго утра, красавица!

От неожиданности я ахнула, поворачиваясь и обнаруживая на своём дворе Елисея собственной персоной. И что ж ты такая ранняя пташка, молодец, а? Поздно поняла, что я в своём собственном обличье, и что личину бабки накинуть быстренько уже точно не удастся — а значит, надо как-то выкручиваться. Но мужчина очень благородно, сам того не ведая, меня спас:

— Не бойся, девица, не обижу. — Он слегка улыбнулся и наклонил голову вбок, разглядывая. — Ты кто? У Бабы Яги служишь? Помощница, что ль?

Я пару раз моргнула — сначала от удивления, потом в силу своих лицедейских возможностей — робко и словно бы растерянно:

— Я — да... Дрова... вот тут...

— Я Елисей. А тебя как зовут?

Ах ты ж, скотина вежливая. Как девица, так сама обходительность, а как бабка — так ни одного ласкового слова не сказал.

— Чара меня зовут, — слегка улыбнулась я, потупив глаза. Внутри завертелся вихрь потехи: было игриво, сладко и боязно. Не слишком прилично с моей стороны так разыгрывать гостя, но он сам виноват — обманулся, а я лишь поддержала начинание. Как долго я смогу удерживать придумку? Ну, если откровенно не врать?

— Скажи мне, прекрасная Чара, — мужской голос был вкрадчивым. — Что ты думаешь о своей хозяйке? Можно ли ей доверять?

— Нет у меня хозяйки. — Я посмотрела на Елисея, ожидая следующего хода.

— Пусть так. О Бабе Яге что скажешь? Я с ней сделку заключил, но опасюсь обмана. А мне рисковать нельзя, жизнь человека от этого зависит.

Я поставила корзину с поленьями на снег и снова выпрямилась. Взгляд Елисея, внимательный, но какой-то мягкий и почти ласковый был непривычен. На меня так никто не смотрел, без опаски, страха, ненависти или злобы, было удивительно и волновало. Но забыть о том, что вся эта нежность предназначается на самом деле не мне, Бабе Яге, а дворовой девчонке с растрёпанными рыжими волосами, не получалось.

Ещё я отметила болтавшийся на поясе недлинный меч. Похоже, кто-то подготовился как надо.

— Так разве после драки кулаками машут? — Я пожала плечами. — Раз сделка уже заключена...

— Тоже верно, — вздохнул он. — А давно ли ты тут? Не обижает тебя Яга? Может, помощь тебе нужна?

— Нужна. — Я понизила голос и хлопнула ресницами, сожалея, что мой родной набор частей лица не включает милых глазок и робкого оленьего взора.

Елисей стал серьёзен, слегка придвинулся ко мне, ожидая услышать нечто важное. Кажется, он и правда готов помочь незнакомой девушке, застрявшей за неизвестную провинность в самом логове жуткой волшебницы. Ну просто классический богатырь, с чистой совестью и героическими помыслами. Таких нечисть очень любит — говорят, на зубах не хрустят и на языке не горчат.

— Дрова до дома донеси, — сказала я.

Он моргнул, и на его лице появилось ошарашенное выражение. Я не выдержала и фыркнула.

А он переменялся сразу же: назад отшагнул, глаза зло сузил. Верхняя губа дёрнулась, выдавая омерзение, и он почти выплюнул:

— Так это ты, Яга! Облик твой очередной? Лихо, лихо. Понятно теперь, зачем тебе они нужны...

— Да, — не стала упираться я, окончательно сбрасывая с себя всю напускную робость. Прищурилась, разглядывая его уже открыто. — Именно для того и нужны: вводить в заблуждение таких, как ты. Впрочем, ты и сам был рад ошибиться, нет разве?

Елисей смотрел внимательно, сумев свои эмоции сдержать в узде. Хотя и ожидала вспышки гнева или негодования. Но он неплохо владел собой, ещё один медяк на чашу его достоинств.

— И какая ж ты настоящая? — грозно спросил он.

— А тебе как кажется? — Я упёрла руки в бока. Почему-то меня задело, что он не принял мой родной облик за настоящий. — Может, такая?

Я накинула свою самую дорогую личину — девки видной. Росту во мне прибавилось, да и грудь налилась да покруглела. Так, что аж пуговка верхняя от натуги оторвалась да выстрелила прямо в подбородок Елисею. Он моргнул и нахмурился. Я знала наверняка, что все мужчины от мала до велика сразу же разум теряли при виде такой красавицы. Светлая коса ниже попы свисала — гладкая, волосок к волоску, глаза что чистое небо, румянец во всю щёку и губы бантиком. Я сама, когда её впервые увидела, оторопела, не поверив, что это человеческая девчонка, а не сама богиня. А как поверила, так сразу идеей загорелась, что мне такую личину надо раздобыть во что бы то ни стало. Дорого пришлось отдать, но стоило каждого пузырька волшебного зелья, что настоящая девица в подоле унесла.

Пока я раздумывала, не слишком ли он чувствителен для добра молодца, Елисей сказал:

— А ну вернись в своё обличье, карга!

— Знаешь, что!.. — взвизывала я, задирая подбородок и хмуря брови. — Будешь хамить, пойдёшь лесом. Другую Бабу Ягу искать. А заодно и возлюбленную себе сразу новую можешь приглядывать. Пока время зря тратишь, первая окочурится!

Он скрипнул зубами, но взял себя в руки.

— Твоя правда, — сказал он наконец. — Виноват. Не следовало со своими правилами в чужой дом идти. Но буду премного благодарен, если ты... вот это уберёшь. — Он махнул рукой, неловко показывая на главные достоинства моего образа. — Не хочу забывать, кто передо мной.

Не слишком эти слова были похожи на извинения, но я их приняла. Кивнула и обратно в свой облик перекинулась. Елисей снова внимательно глянул и с подозрением спросил:

— Этот настоящий?

Мне показалось забавным, что так же совсем недавно Ивашка спросил. Но ни мальчишка, ни мужчина правды не заслужили.

— Этот удобный, — отрезала я.

Елисей кивнул, принимая ответ, и, к моему удивлению, подхватил корзину и понёс к дому. Надо же, какой благородный. Я пошагала следом, разглядывая широкую спину и лохматый затылок. Вспомнилось, что раз вернулся мужчина, значит, решил принять мое предложение. А значит... Значит, согласен со мной целоваться.

Эта мысль кинула жар в щёки — хорошо, он спиной видел плохо, значит, я ничем не рисковала. Но самой мне подобная впечатлительность показалась очень подозрительной. Ещё не хватало краснеть и заикаться, словно девице на пороге брачной спальни. Тем более что не удовольствия ради это всё затевается. А исключительно с целью приобретения кое-чего нужного.

Перед входом в дом Елисей остановился и обернулся, ожидая разрешения войти внутрь. Я кивнула, и он открыл дверь.

— Какого чер...?! — в сердцах раздражённо начал Шнырь, ожидавший увидеть меня, но споткнулся на полуслове и вспорхнул под потолок, усевшись на балку.

— Она разговаривает? — ошарашенно спросил Елисей.

— Ну да, — мрачно ответила я, прикрывая за нами дверь. — Разговаривает. Пока я ему башку не свернула, массу способностей горазд демонстрировать.

Шнырь сконфуженно дёрнулся, чувствуя за собой вину. Но надолго этого наглеца обычно не хватало, поэтому я не слишком поверила в его раскаяние.

Мужчина поставил корзину с дровами к печи и посмотрел на меня.

Я сняла тулуп и села за стол, жестом приглашая Елисея присоединиться. Потчевать его я не стала — слишком много чести, и так утром в логове Бабы Яги уже один пришлый столо-

вался. Да, скорее всего, и не станет мужчина у меня ничего есть и пить — побоится быть отравленным или одурманенным.

Он не стал раздеваться и меч со своего бока не снял — тот брякнул о лавку, когда мужчина садился напротив меня. Я пронаблюдала, как он сложил руки перед собой — те не дрожали. Это хорошо.

— Раз ты здесь, полагаю, что сделка в силе, и ты выяснил, кто твою суженую украл, — начала я. — Ну, и какого цвета стала вода в чаше?

— Синей.

Я нахмурилась.

— Водяной. Хм, неожиданно, — особенно, если вспомнить, что и Ивашкину мать он же к рукам прибрал. Задумавшись, я пробурчала тихонько под нос: — Что он там, гарем собирает, что ли?

— Что? — не понял Елисей.

— Это я так... размышляю...

Это было и правда странно, не припомню за хозяином вод такой любвеобильности. С другой стороны, это было даже немного удобно: я беспокоилась, как там Ивашка, а этого сильного и умного можно было напрямую направить по стопам мальчишки. Если что, он пареньку поможет, вон какой защитник дев да младенцев.

С другой стороны, я не могла быть уверена, что мальчик дойдёт туда, куда надо. На той стороне любой шаг мог стать опасным для человека, тем более для ребёнка. Его мог задурить кто из нечисти, он мог перепутать дорогу, да в принципе не справиться и не дойти до нужного места... И пустить по его следам Елисея в подобном случае означало бы не выполнить свою часть сделки...

— Что не так, Яга? — ворвался в мои мысли голос гостя.

— Да помолчи же, говорю! — рявкнула я. У меня уже начала оформляться идея, а он чуть всё не испортил. Потом я вздохнула. — Ладно, болтун, давай вместе думать. Итак, расклад такой. Сам Водяной редко кого-то похищает. Ну разве что для веселья. Но это обычно бывает так, с нахрапа: если увидел, что кто-то в лодке излишне перегнулся через борт, то может схватить. Или на берегу если кто языком мелет, что хотел бы царство морское поглядеть, то Водяной может устроить экскурсию в одну сторону.

— Ну это же явно не зимой происходит, — заметил Елисей. — К тому же Красава в собственной светлице была.

— Хорошо. Тогда вот ещё вариант: обещанный ребёнок. Ежели родитель что-то просил у водяного, и тот за помощь свою будущего младенца спрашивает. Ничего не говорил такого твой царь Дивногородский?

— Не говорил. — Мужчина, покачал головой не задумавшись — значит, сам уже это выяснил. — Вернее, сказал, что никого никому не обещал.

— Ладно, — согласилась я. — Выходит, это всё какая-то нестандартная ситуация. Не знаю... Водный царь в карты на желание с Кощеем играл и продул. И тогда похитил твою Красаву в счёт долга — не для себя, выходит...

— В карты? — ошарашенно выдохнул он.

— Ну а что? Ты думаешь, только вы, люди, творением рук нави пользоваться умеете? Папоротник цветущий заставлял свои желания исполнять, в заговоры свои потусторонних звать? В обратку это тоже работает.

Елисей покачал головой.

— А разве не мог он в красивую девушку влюбиться и решить её похитить?

— Очень вряд ли. Ему нафиг не упали все эти ваши девицы для постельных нужд, у него русалок одна другой краше — не выберешь. В любом случае, — продолжила я. — точно знаешь ты это, лишь когда к водному придёшь.

— Скажешь, куда идти? — спросил Елисей.

— Скажу. Даже, может, клубок дам... Но сначала плату твою возьму.

Я

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.